Временный Комитетъ Государственной Думы.

Иванъ ЛУКАШЪ.

ПРЕОБРАЖЕНЦЫ.

Изданіе „Освобожденная Россія“

№ 4.

Цѣна 15 коп.

Временный Комитетъ Государственной Думы.

Иванъ ЛУКАШЪ.

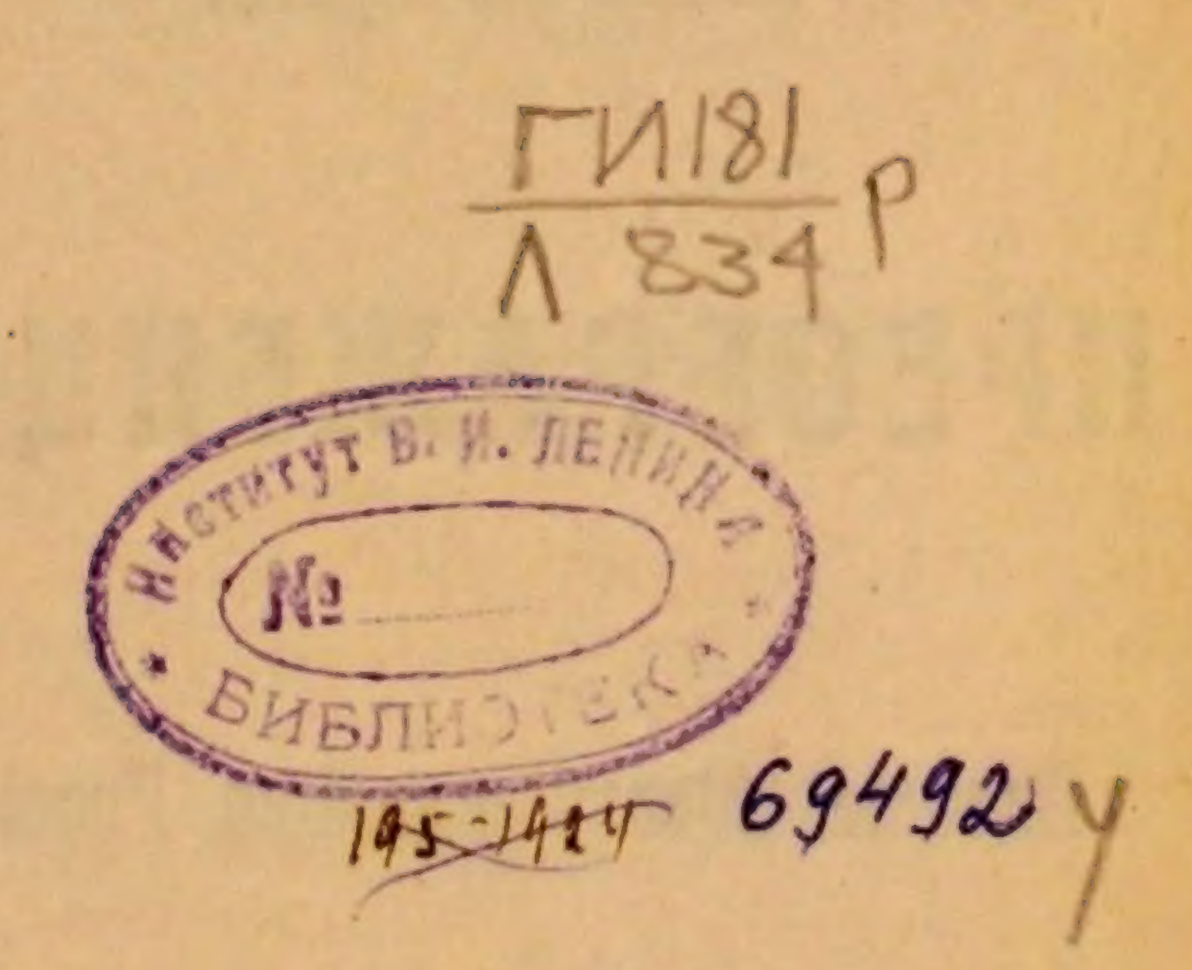
ПРЕОБРАЖЕНЦЫ.

Изданіе „Освобожденная Россія"

№ 4.

Цѣна 15 коп.

ПРЕОБРАЖЕНЦЫ

Еще со временъ неторопливой Императрисъ Елизабетъ I, которую въ 1741 году возвели на престолъ штыки Преображенской Гренадерской роты, штыки разгульныхъ и славныхъ «лейбъ-компанцевъ»—мечта о народной свободѣ стала славной традиціей нашего Преображенскаго полка.

Такъ, изъ вѣка въ вѣкъ горѣла надъ Преображенскимъ полкомъ звѣзда свободы. И такъ, до нашего времени донесли они мечтательную тоску по ней и одни изъ первыхъ пришли на ея волнующій зовъ.

Въ «дни свободы» девятьсотъ пятаго года въ тѣ наши первые, такъ трагически быстро оконченные, залитые кровью дни,—первый баталіонъ Преображенцевъ былъ расформированъ, многіе были повѣшены, многіе сосланы на каторгу. Командиръ полка генералъ Годонъ, былъ тогда лишенъ мундира и свиты, князь Трубецкой и все офицерство отправилось въ ссылку въ село Медвѣдь. Вѣрнымъ своей традиціи полкъ оставался до самыхъ послѣднихъ, до самыхъ глухихъ дней нашего самодержавія. Еще никто не знаетъ, что нѣкоторые Преображенскіе офицеры участвовали въ уничтоженіи лжепророка Распутина, еще никто не знаетъ, что цѣлый рядъ офицер-

скихъ именъ попалъ послѣ этого дѣла въ черный проскрипцiонный списокъ.

И не знаетъ еще никто, что среди Преображенцевъ въ самые послѣднiе дни были заговоры противъ стараго строя. Молодое офицерство, какъ предки его—декабристы, мечтало само сдѣлать революцiю, поднять команды и вывести ихъ на площадь требовать Свободы.

Но ихъ предупредилъ народъ.

Солдатъ всюду самъ, безъ офицера, вышелъ на улицу. И только офицеры Преображенцы съ первой же секунды революцiи были со своими солдатами. Но и то не во всемъ полку.

Преображенцы Таврическихъ казармъ, что по Парадной улицѣ, пошли безъ офицеровъ,—ихъ подняли тамъ Волынцы. И только въ казармахъ по Миллiонной улицѣ солдатъ пошелъ съ офицеромъ. Отсюда впервые пришла къ Временному Правительству организованная сила и здѣсь впервые въ океанѣ возставшихъ штыковъ былъ заложенъ могучiй камень новаго строя.

Я записалъ и офицерскiе и солдатскiе разсказы. Мы сначала услышимъ солдата «Таврическихъ казармъ», а потомъ намъ офицеръ разскажетъ о первомъ организованномъ возстанiи въ «Миллiонныхъ казармахъ».

I.

Таврическiя казармы.

25-го февраля... Въ 9 час. утра, по телефону было назначено на улицы нѣсколько ротъ по экстренному вызову. Оставшiеся не знали куда поведутъ ихъ товарищей. У всѣхъ было тревожное настроенiе.

Въ 10 час. утра назначеннымъ ротамъ уже раздавали патроны. Въ это время приходитъ взволнованный, чѣмъ-то разстроенный командиръ 4-й роты штабсъ-капитанъ Леонтій Эллiотъ и разсказываетъ, почти со слезами:

— Сегодня моя сестра ѣхала въ трамваѣ. Трамвай остановила толпа. Они звали всѣхъ идти вмѣстѣ съ ними просить хлѣба. Моя сестра пошла... Братцы, я стрѣлять не буду. Какъ мы можемъ стрѣлять въ свой народъ, да еще въ голодный народъ, который проситъ хлѣба?

Взводные и отдѣленные и такъ знали, что никто не будетъ стрѣлять и разнося патроны по всѣмъ 48 рядамъ Преображенцевъ, говорили:

— Брать, братцы, берите, но всѣ до одного приносите назадъ...

Роты ушли. И только въ 2 часа ночи пришли съ улицъ въ казармы голодные и усталые. Всѣ съ облегченiемъ вздохнули, когда узнали, что Преображенцамъ стрѣлять не пришлось, что все время ихъ продержали въ цѣпи на Полицейскомъ мосту. Всѣ были взволнованы событiями дня, многiе не спали всю ночь на пролетъ. Всѣ будто ждали общаго сигнала, чтобы взяться за винтовки, подняться, возстать.

26-го февраля... Въ 10 часовъ утра роты уже были въ строю. Командиръ 4-й роты штабсъ-капитанъ Эллiотъ, былъ кажется еще блѣднѣе, чѣмъ вчера и мягко, какъ старый боевой товарищъ, предостерегалъ солдатъ отъ стрѣльбы по народу. Роты снова вышли на улицу. И снова стрѣлять не пришлось.

А Петроградъ уже кипѣлъ и клокоталъ надъ нимъ, гребень того девятаго вала, который поднялся и ударилъ съ такой яростной силой изъ голодныхъ рабочихъ кварталовъ.

Во вторую ночь еще большее волненiе было въ

Таврическихъ казармахъ. Солдаты говорятъ, что въ ту ночь у нихъ — «душа трепетала».

27 февраля... Нужно сказать, что у Преображенцевъ и Литовцевъ по Таврической улицѣ общій казарменный дворъ. И вотъ, въ 8 час. утра, какъ всегда, на дворѣ началось строевое ученіе. День былъ ясный, морозный. Серебряный иней игралъ на красномъ кирпичѣ казарменныхъ зданій.

Вдругъ со стороны Волынцевъ, казармы которыхъ отдѣляетъ отъ двора Преображенцевъ невысокій заборъ, послышались безпорядочные выстрѣлы и глухіе раскаты «ура». Нѣсколько пуль просвистало надъ головами. Строевое ученіе смѣшалось. А на заборѣ стояли уже товарищи Волынцы, махали фуражками, руками и звали.

— Преображенцы, бросай занятіе! Присоединяйся къ намъ... Къ намъ!

Криковъ не дослышали, крикамъ не придали значенія. Тогда отъ Волынцевъ ударили въ воздухъ ружейные выстрѣлы. Ошеломленные, непонимающіе что происходитъ, преображенцы бросились въ казармы. Нужно было собраться съ мыслями, переговорить, выяснить.

А толпа Волынцевъ подходила уже къ воротамъ казармъ съ Парадной улицы. Поняли тогда Преображенцы.

Изъ всѣхъ оконъ махали они Волынцамъ шапками, призывали ихъ восторженнымъ «ура». Волынцы заполнили дворъ. Къ нимъ, какъ лавина, бѣжали изъ казармъ, звякая винтовками, Преображенцы. Горнисты играли воркующую тревогу. Кто-то безпрерывно билъ въ полковой колоколъ Литовцевъ. Солдаты привѣтствовали другъ друга выстрѣлами въ воздухъ. Гулъ колокола, перекаты «ура», пѣнье

мѣдныхъ рожковъ и выстрѣлы,—слились въ ликующій громъ.

Первой, вышедшей на зовъ Свободы ротой была 2-я рота Таврическихъ казармъ, которая вся сплошь состоитъ изъ боевыхъ солдатъ, уже отдавшихъ не мало своей крови за народъ на поляхъ сраженій.

— Мы только жали другъ другу руки—говорятъ объ этой минутѣ солдаты,—мы только смотрѣли восторженно другъ другу въ глаза...

Фельдфебель Вороновъ выводитъ изъ казармъ послѣднюю, немного замявшуюся 4 роту, и когда всѣ Преображенцы и Литовцы вышли, послышались крики:

— На улицу! На улицу...

Но большинство бросилось и захватило цейхгаузъ Литовскаго полка, разобравъ всѣ патроны. Тогда голоса стали звать за патронами въ Преображенскій цейхгаузъ по Госпитальной улицѣ.

Быстро отдѣлился отрядъ человѣкъ въ десять, быстро достали лошадей и первый революціонный обозъ поскакалъ на Госпитальную. До 30.000 патронъ, 1.000 винтовокъ и 4 пулемета захватили тамъ. И все было разобрано по рукамъ и все потонуло въ морѣ войскъ.

Волны Преображенцевъ, Волынцевъ и Литовцевъ уже катились по Кирочной. По дорогѣ влились въ сѣрые казармы Саперъ. Кто-то далъ изъ оконъ нѣсколько выстрѣловъ. Войска отвѣтили. Завязалась перестрѣлка, уже вкатили во дворъ къ саперамъ пулеметы, но саперы и такъ выбѣгали съ ликующимъ, радостнымъ «ура» изъ казармъ...

Вызвали хоръ музыкантовъ-саперъ и съ нимъ вмѣстѣ вышли снова на Кирочную. Старались построиться, но гдѣ же было построить этотъ океанъ штыковъ, этотъ гулкій водопадъ войскъ.

— Идемъ къ Московцамъ, къ Московцамъ!—неслись крики.

Подъ звонъ и бряцанье бравурнаго марша быстро двигались войска. Посверкивали серебряныя поющія трубы, бряцалъ и гремѣлъ маршъ. И у всѣхъ поднялось настроеніе. Со старымъ все было кончено.

Шли, крѣпко и стройно шагая въ тактъ музыкѣ, быстро переговариваясь:

— Идемъ, братья. Теперь все равно. Или побѣдимъ, или погибнемъ. Идемъ, идемъ...

И сверкали серебряныя трубы и пѣлъ маршъ: «Идемъ, братья, идемъ!»

— У всѣхъ тогда пылали восторгомъ лица,—говорятъ солдаты,—и у всѣхъ сіяли, точно горячія звѣзды, глаза...

А улицы еще были пустынны. Вѣдь всего было часовъ 9 утра. Попадались только кухарки, да блѣдныя женщины съ корзинками для провизіи. Смотрѣли, крестились.

— Господи, Боже ты мой, что за бѣда стряслась? Куда это солдатики повалили, да такой силищей...

— Къ народу, бабурки. Народушко свой защищать противъ насильниковъ—быстро объясняли имъ по пути солдаты.

У женщинъ становились серьезными лица и онѣ крестились истово и тихо.

— Дай-то вамъ Богъ, родные...

Въ концѣ Кирочной лавина задержалась на секунду у дома Жандармскаго Дивизіона. Солдаты говорятъ, какъ въ одинъ мигъ «вышвырнули» они оттуда человѣкъ 20 жандармовъ, которые разомъ и потонули въ солдатскомъ потокѣ.

Стихія катила впередъ. Выплыла на Литейный и растеклась. Сняли караулы у Окружнаго Суда, обступили сѣрой стѣной шинелей красное, низкое

зданіе Арсенала. Выстрѣлами по окнамъ и общимъ «ура» вызвали на улицу арсенальныхъ рабочихъ.

А въ это время, въ полномъ порядкѣ, съ Захарьевской улицы выходила на Литейный 3-я рота Преображенцевъ... Снова гулы восторга и перекаты «ура» и бряцанье марша. Призывъ смѣняетъ призывъ.

Растетъ ударъ революціоннаго вала.

— Выпустимъ политическихъ!

— Нѣтъ, нѣтъ... Идемъ сначала къ Московцамъ, на Выборгскую, къ Московцамъ!..

Двинулись къ Литейному мосту.

Литейнаго моста опасались: всѣ знали, что за нимъ засада. Онъ тянулся передъ глазами широкій и безлюдный, окутанный морознымъ паромъ. И только попробуютъ отдѣльные смѣльчаки войти на мостъ, изъ-за Невы подымается пулеметный огонь. Здѣсь были первыя жертвы. Здѣсь, подъ пышными чугунными фонарями, палъ отъ пуль Преображенскій ефрейторъ Голубевъ еще одинъ статный и, молодой Преображенецъ.

Войска задержались, войска смѣшались.

— Почему мы встали? Впередъ, товарищи... Идемте.

На мостъ, ревя рожками, вылетѣлъ автомобиль полный солдатъ. А за автомобилемъ, верхомъ на черномъ конѣ, съ побѣлѣвшей, взмыленной грудью скакалъ молодой прапорщикъ, совсѣмъ еще «юный парнишка».

— Товарищи, за мной!

Преображенцы увидѣли въ автомобилѣ своего любимца, георгіевскаго кавалера, ефрейтора Новикова. Стоитъ онъ во весь ростъ, машетъ сверкающей шашкой... Бросились на мостъ въ атаку. Море войскъ

залило мостъ, море войскъ ощетинило его штыками. Сбивъ засаду, двинулись къ Московцамъ.

Казармы Московскаго полка встрѣтили выстрѣлами. Частая стрѣльба поднялась въ отвѣтъ.

Прикладами разбили казарменныя ворота, толпа рабочихъ, войскъ, вооруженные пулеметами автомобили запрудили дворъ. Московцы выбѣгали одинъ за другимъ. Говорили, что ихъ товарищи заперты, что отстрѣливается одна только учебная команда, да и тамъ просто напуганы, ошеломлены и складываютъ уже винтовки.

Пять солдатъ Московцевъ повели товарищей окружать учебную команду, но въ этотъ моментъ запертые въ казармахъ Московцы нашли какой-то обходный путь и по нему выбрались къ войскамъ.

Въ 2 часа дня перешелъ весь Московскій полкъ и безпорядочный огонь кончился. Начали убирать убитыхъ и раненыхъ. Работали молча, въ тишинѣ, почти не разговаривая...

И скоро океанъ штыковъ повернулъ съ Выборгской обратно на Литейный. Когда войска были на проспектѣ, вдругъ изъ оконъ полицейскаго управленія затарахтили пулеметы. Часть солдатъ ушла дальше, часть засѣла въ трамвайномъ паркѣ и открыла по управленію ураганный огонь.

И такъ сильно было чувство побѣды и единодушіе борьбы, что всѣ, безъ всякаго сигнала, по первому крику «ура», вскорѣ поднялись въ атаку. И стихійнымъ, молніеноснымъ штурмомъ разнесли двери управленія, ворвались и въ секунду смели все...

Это было въ 3 часа дня.

Многіе отсюда растекались по всему городу, но и тогда уже, мимо пожарища Окружнаго суда, среди ликующихъ стѣнъ толпы, въ бряцаньи военныхъ

оркестровъ, тогда уже двигались къ Государственной Думѣ авангарды революціонныхъ войскъ...

А вѣдь въ Думѣ кончилась наша стихія и начался нашъ новый порядокъ.

II.

Милліонныя Казармы

24 февраля... 1-я рота получила приказъ идти на Полицейскій мостъ, чтобы встать тамъ цѣпью и никого не пускать оттуда къ Зимнему дворцу. Ротой, по наряду, командовалъ капитанъ Скрыпицынъ. У этого человѣка холодная англійская внѣшность и желѣзная англійская выдержка. 28 мѣсяцевъ провелъ онъ на фронтѣ, имѣетъ золотое оружіе и получилъ уже всѣ боевыя отличія.

На мосту встали цѣпью. Капитанъ, дѣйствуя по инструкціи командира баталіона, повинуясь своему убѣжденію и идя навстрѣчу настроенію солдатъ, приказалъ отнюдь не стрѣлять. Съ нимъ были согласны его помощники—офицеры Селецкій и Розеншильдъ, потерявшій на войнѣ руку.

Когда къ Полицейскому мосту подходили толпы народа, толпы рабочихъ, женщинъ и дѣтей, офицеры убѣждали ихъ расходиться.

— Мы разгуливали,—разсказывалъ улыбаясь Скрыпицынъ,—въ корридорѣ между цѣпью солдатъ и толпой. Разговаривали, перекидывались шутками. Всѣ были настроены добродушно. Было, я скажу, очень мило.

Всталъ уже вечеръ. Расходилась одна толпа, ее смѣняла другая и снова убѣжденія, смѣхъ и добродушныя шутки. Но полицейское рвеніе пристава Левисона чуть было не испортило общаго на-

строенія. Онъ выставилъ своихъ городовыхъ впередъ изъ-за цѣпи, приказалъ вынуть шашки, началъ ужъ было избіеніе.

— Г. полковникъ! Моментально уберите вашихъ полицейскихъ за мою цѣпь,—крикнулъ ему капитанъ Скрыпицынъ.

— Какъ убрать? Наоборотъ, это Вы должны мнѣ помочь, Вы должны дать залпъ... Чего Вы ждете? Давайте же залпъ.

— Этотъ самый залпъ въ первую голову сразитъ Васъ,—спокойно оборвалъ его Скрыпицынъ и отошелъ, пожавъ плечами.

Приставъ отозвалъ городовыхъ за солдатскую цѣпь, а самъ поѣхалъ въ Градоначальство жаловаться на мятежнаго офицера.

...Уже 24 февраля, когда рота вернулась съ улицъ въ казарму, капитанъ Скрыпицынъ дѣлился впечатлѣніями съ товарищами офицерами. Онъ сумѣлъ понять и изучить за день толпу. Онъ видѣлъ, что это поднялся самый густой, самый плотный народъ,—та «толща народная», какой не было въ первой нашей революціи 1905 года. А за нимъ идетъ тотъ девятый валъ, который смететъ все. Правительство, говорилъ онъ,—если еще не совсѣмъ оно ослѣпло, немедленно должно идти на уступки.

Всѣ поняли капитана и всѣ съ нимъ были согласны.

25 и 26 февраля Преображенцевъ также посылали на улицы и снова они встрѣчали толпу и снова вступали въ переговоры. Волненіе возростало. Близился часъ...

27 февраля... Утромъ нѣсколько ротъ, по экстренному вызову, выступили на улицы. Въ 11 часовъ утра всѣ свободные офицеры собрались въ Офицер-

скомъ собранiи. Чувствовали, что гроза надвигается. Обсуждали, что дѣлать.

Капитанъ Скрипицынъ подалъ мысль, къ которой присоединились всѣ:—нужно выйти на площадь Зимняго дворца и постараться собрать тамъ всѣ другiя гвардейскiя части.

И вотъ, въ 11 час. утра, 27 февраля, 1500 Преображенцевъ Миллiонныхъ казармъ, во главѣ съ офицерами, перешли Зимнюю канавку и выстроились у Александровской колонны, спиной къ дворцу.

На Миллiонной нѣсколько офицеровъ реквизировало автомобиль какого-то биржевого маклера, его высадили и приказали шофферу съ предѣльной скоростью гнать машину къ казармамъ Измайловцевъ, Егерей и Семеновцевъ. Созывать гвардiю на площадь поѣхали офицеры: Головинъ, князь Эристовъ и Квашнинъ-Самаринъ.

Одинъ только лозунгъ, одна только мысль была у Преображенцевъ и они вѣрили, что всѣ пойдутъ за ними:

— Ничѣмъ не препятствовать революцiи, но внести порядокъ въ ея мятущiйся потокъ, но избѣгать кровопролитiя и собраться на площади, чтобы оттуда, какъ организованной силѣ, предъявить требованiя народа правительству.

Къ Преображенцамъ на Дворцовую площадь стали подходить войска. Пришелъ со всѣми офицерами Пулеметный полкъ, пришли роты Егерей и Петроградцевъ. Ждали другихъ. Командиръ Гвардiи генералъ Безобразовъ, старѣйшiй въ бывшихъ Преображенцевъ, обходилъ войска и здоровался съ ротами.

Капитанъ Скрыпицынъ рѣшилъ въ это время съѣздить въ Градоначальство. Онъ думалъ, что можетъ быть удастся еще уговорить Хабалова или

Балка прекратить безполезное, дикое сраженіе на улицахъ.

Поѣхалъ. Спокойно, безъ всякихъ пропусковъ поднялся на верхъ, спокойно вошелъ въ кабинетъ градоначальника. Первое, что бросилось ему въ глаза было нѣсколько жандармскихъ генераловъ съ растерянными, перепуганными лицами.

Капитанъ Скрыпицинъ подошелъ къ Хабалову а тотъ сразу крикнулъ ему:

— Послушайте, необходимо стрѣлять... Необходимо разстрѣливать всю эту чернь.

— Солдаты стрѣлять не будутъ, Ваше Превосходительство,—спокойно отвѣтилъ Скрыпицинъ.

— Не будутъ! Такъ прикажите имъ...

— Наоборотъ, мы имъ прикажемъ не стрѣлять.

— Вы измѣнникъ, вы бунтовщикъ,—затопалъ ногами Хабаловъ.—Я васъ арестую.

— Какъ будетъ угодно Вашему Превосходительству, но это общее мнѣніе и всѣ мы считаемъ своимъ долгомъ сказать, что изъ насъ стрѣлять не будетъ никто. Успокоить народъ можно только справедливыми уступками, а не пальбой. Это уже вамъ больше не поможетъ.

Какой-то тощій поручикъ подбѣжалъ въ это время къ Хабалову:

— Ваше Превосходительство, въ Гатчинѣ коекого удалось уговорить. Оттуда готовы прилетѣть на аэропланахъ и сбросить на Петроградъ бомбы.

— Скорѣе ихъ вызвать, скорѣе ихъ вызвать,— немедленно!—крикнулъ Хабаловъ.

Тощій поручикъ бросился къ телефону, но капитанъ Скрыпицинъ схватилъ его за руку:

— Поручикъ, Вы проявляли бы лучше свою боевую ретивость на войнѣ, а не здѣсь. Я запрещаю Вамъ вызывать обманутыхъ летчиковъ.

Растерянный поручикъ, видя капитанскіе погоны, пробормоталъ «слушаюсь».

Озадаченный смѣлостью капитана, Хабаловъ не возражалъ и его страшное распоряженіе бомбардировать Петроградъ съ воздуха исполнено не было.

Капитанъ помнитъ, что генералъ Балкъ перебѣгалъ отъ одного къ другому и смѣялся. Такой ничѣмъ неудержимый, безсмысленный смѣхъ охватываетъ нѣкоторыхъ на пожарахъ, при потрясеніяхъ и во время крушеній...

А Хабаловъ, совершенно не зная, что дѣлать, спрашиваетъ совѣта у того капитана, котораго онъ только что хотѣлъ арестовать.

— Какъ по вашему мнѣнію, капитанъ... Вѣдь все это придется доложить военному министру, пожалуй, даже Государю?

— Послушайте, Ваше Превосходительство, я удивляюсь, что Вы еще не сдѣлали этого.

Ясно, что въ Градоначальствѣ дѣлать было нечего. Капитанъ снова уѣхалъ на площадь.

Ряды войскъ стоятъ передъ Зимнимъ дворцомъ. Перетаптываютъ отъ холода ногами, покашливаютъ, молчатъ.

Великое, историческое стояніе.

Товарищи просятъ капитана съѣздить къ Павловцамъ и уговорить ихъ выйти на площадь. Капитанъ ѣдетъ снова... Черезъ полчаса, со всѣми офицерами, подъ звуки стариннаго Преображенскаго марша, 6.000 Павловцевъ, стройными рядами подошли къ Зимнему дворцу. Оркестръ Преображенцевъ встрѣтилъ ихъ Павловскимъ маршемъ. Войска слились въ общемъ «ура».

Измайловцы и Семеновцы такъ и не пришли. Были только слухи, что они гдѣ-то и съ кѣмъ-то

сражаются. Слухи эти впослѣдствіи не подтвердились...

Послѣ 3-хъ час. дня на площадь пришли части гвардейскаго экипажа. Въ то же время среди войскъ разнеслась глухая вѣсть, что Дума распущена... Еще тише и еще грознѣе стоятъ войска, на туманной Дворцовой площади. А когда стало темнѣть и побѣлѣли уже шинели обмерзшихъ солдатъ, войска двинулись въ Зимній дворецъ.

Многіе въ то время видѣли, какъ въ Адмиралтейство, стараясь пройти быстрѣе черезъ площадь, угрюмо двигались какія-то артиллерійскія части, кавалерія и одинъ изъ стрѣлковыхъ полковъ.

Войска во главѣ съ Преображенцами заняли дворецъ. Всѣ чувствовали, что старое Правительство уже пало и всѣ знали, что новаго еще нѣтъ. И почти молча было рѣшено сдѣлать Зимній дворецъ базой, крѣпостью новаго строя и руководить оттуда возстаніемъ и оттуда диктовать требованіе народа остаткамъ прежняго Правительства.

Павловцы были во дворцѣ около часу. Имъ отвели для стоянки дворцовые подвалы, но, какъ молнія, пронесся среди нихъ слухъ, что все это ловушка, что еще неизвѣстно, что сдѣлаютъ съ ними въ подвалахъ. Павловцы вышли со всѣми офицерами и вернулись въ казармы...

Оставшіяся войска стояли въ длинныхъ, огромныхъ и гулкихъ нижнихъ корридорахъ. Стояли молча, только приклады винтовокъ тяжко стукались о каменныя плиты. Въ корридорахъ была полутьма: одинокія электрическія лампочки тускло свѣтились подъ высокими сводами.

Въ 7 час. вечера войска облетѣлъ слухъ, что Думой избрано Временное Правительство. Дальнѣйшее

пребываніе во дворцѣ могло быть истолковано ложно и стало безцѣльнымъ.

Преображенцы, вмѣстѣ съ Гвардейскимъ экипажемъ, внутреннимъ ходомъ, по Эрмитажному корридору, покидаютъ дворецъ и уходятъ въ Милліонныя казармы.

Я видѣлъ этотъ узкій, потайный корридоръ, гдѣ двигались гуськомъ больше тысячи солдатъ, я видѣлъ на лѣстницѣ бѣлые, крашенные въ тонъ стѣнъ, потайныя желѣзныя двери. Преображенцы, если бы понадобилось, могли быть вызваны во дворецъ въ нѣсколько минутъ...

Темныя храмины самодержца пустынно затихли.

Въ 8 час. вечера старшіе офицеры, во главѣ съ б. командиромъ баталіона, собрались въ тихомъ кабинетѣ Офицерскаго собранія, рядомъ съ билліардной.

Старинныя гравюры и старинные портреты на стѣнахъ и крытыя сѣрымъ штофомъ банкетки и кресла краснаго дерева, не разъ раньше видѣли въ этомъ уютномъ кабинетѣ царей и царицъ, которые чувствовали здѣсь себя, какъ дома.

Закрыты бѣлыя двери кабинета. Старшіе офицеры совѣщаются.

Младшіе и самые младшіе офицеры столпились въ билліардной и ждутъ. Наконецъ открываются бѣлыя двери и адъютантъ баталіона поручикъ Макшеевъ, громко, еле сдерживая радостное волненіе, объявляетъ:

— Преображенскій баталіонъ, весь, со всѣми офицерами, рѣшилъ присоединиться къ Временному Правительству и признать его власть. Идемъ, господа, скажемъ объ этомъ командамъ.

Всѣ ждали такого рѣшенія, но всѣхъ охватываетъ восторженный подъемъ.

Молодые офицеры бѣгутъ въ казармы по своимъ ротамъ, вскакиваютъ на солдатскія нары, на столы, говорятъ жаркія, пылающія радостью рѣчи.

— Братья-Преображенцы! Вы знаете, что нашъ полкъ былъ всегда за свободу. Больше 100 лѣтъ мы ждали этой минуты... Русскій народъ отнынѣ свободенъ. Сольемся же, закрѣпимъ ее, братьи. Пусть еще дружнѣе и крѣпче станетъ дисциплина. Помните, что нашъ желѣзный солдатскій строй, что нашъ порядокъ есть та сила, которая будетъ поддерживать Временное Правительство...

Во всѣхъ командахъ, во всѣхъ ротахъ катилось могучее «ура». Стекла огромныхъ оконъ сотрясались точно во время канонады. Такого энтузіазма никогда еще не было въ старинныхъ, красныхъ казармахъ на Милліонной.

Около 9 час. вечера въ Офицерское собраніе неожиданно пріѣзжаетъ великій князь Кириллъ Владиміровичъ. Взволнованные офицеры встрѣчаютъ его въ столовой, садятся было за столъ, но скоро встаютъ и переходятъ въ билліардную. Былъ блѣденъ и молчаливъ въ тотъ вечеръ великій князь.

Бѣлыя лампы бросали ровный кругъ свѣта только на зеленое сукно билліардовъ и комната была въ полутьмѣ. Князь стоялъ, опираясь о край дубоваго билліарда. Изъ толпы офицеровъ выступилъ прямой и горячій капитанъ Приклонскій.

— Мы считаемъ не честнымъ разговаривать съ вами, не заявивъ о томъ, что мы перешли уже на сторону Временнаго Правительства. Отнынѣ ему одному будемъ мы честно служить.

Блѣдный князь молчалъ. Въ тотъ вечеръ онъ былъ въ гвардейскомъ флотскомъ мундирѣ, съ золотыми вензелями на эполетахъ. Черезъ 2 дня его видѣли въ Штабѣ уже безъ этихъ золотыхъ вензе-

лей. И всѣмъ казалось въ тотъ вечеръ, что стало еще больше серебряной просѣди въ его черныхъ волосахъ.

— Для спасенія Россіи, отвѣтилъ вздохнулъ князь, это единственный исходъ. Я присоединяюсь къ вамъ всѣмъ сердцемъ... Мы просили, мы всѣ молили, но это ни къ чему не привело. До чего они довели Россію.

Въ 10-ть часу вечера вел. князь уѣхалъ. Скоро ушелъ въ свои казармы и Гвардейскій экипажъ, такъ какъ Преображенцамъ нечѣмъ было его накормить...

Весь вечеръ офицеры, по всѣмъ телефонамъ, стараются добиться разговора съ Государственной Думой, но только послѣ 11 час. ихъ соединили. Преображенцы сообщили о своемъ переходѣ на сторону Временнаго Правительства и просили прислать кого-либо изъ членовъ Комитета для инструкціи.

Ждали до 2 час. ночи. И былъ уже третій часъ, когда въ Офицерское собраніе вошелъ подвижной, быстрый полковникъ Энгельгардъ, первый комендантъ возставшихъ войскъ Петроградскаго гарнизона.

Началась горячая, дружная бесѣда. Офицеры спѣшно составили порядокъ ихъ работъ для Временнаго Комитета, обсудили его, исправили кое-какія частности. Уѣзжая, полк. Энгельгардъ сказалъ:

— Знайте, господа. Ваше геройское рѣшеніе первыми придти къ намъ на помощь, прекратило всѣ колебанія Родзянко встать во главѣ Исполнительнаго Комитета Думы. Теперь можно сказать, что мы уже побѣдили.

Пробило 3 часа. Это была уже четвертая, безсонная ночь въ казармахъ на Милліонной. Кое-кто изъ офицерской молодежи прилегъ, но не спалъ никто изъ старшихъ офицеровъ.

Всю ночь дребезжали телефонные звонки отъ Хабалова.

— Пошлите роты туда-то. Отправьте команды туда-то.

— Ротъ нѣтъ,—отвѣчали на всѣ звонки офицеры.

Въ 4 часа утра въ сѣромъ кабинетѣ собранія задребезжалъ новый телефонный звонокъ. Звонилъ Энгельгардтъ.

— Временное Правительство приказываетъ Преображенскому баталіону немедленно арестовать Совѣтъ Министровъ, засѣдающій въ Адмиралтействѣ...

Приказаніе исполнить было невозможно: всѣ знали, что въ Зимнемъ дворцѣ засѣли на ночь враждебныя войска.

Но штабсъ-капитанъ Нелидовъ и однофамилецъ и родственникъ его поручикъ Нелидовъ предлагали немедленно исполнить приказаніе Правительства, предлагали сейчасъ же поднять войска на штурмъ Адмиралтейства... Въ обоихъ Нелидовыхъ течетъ Преображенская кровь. Еще прадѣды ихъ служили при Елизаветѣ и Екатеринѣ въ Лейбъ-Компанскомъ полку. А ихъ прабабка была та знаменитая Екатерина Ивановна Нелидова, которую наши историки называютъ свѣтлымъ ангеломъ Павла I.

Благоразуміе старшихъ взяло, къ счастью, верхъ. Преображенцы выслали къ Адмиралтейству развѣдку и вскорѣ выяснилось, что его охраняетъ больше 100 пулеметовъ, мортиры и пушки. Немедленно сообщили полковнику Энгельгардту, что взять Адмиралтейство у Преображенцевъ нѣтъ физическихъ силъ.

— Я этого ждалъ,—отвѣтилъ Энгельгардтъ,—у насъ уже получены свѣдѣнія, какъ его охраняютъ. Возможно, что съ утра придется изъ Петропавловской крѣпости открыть по Адмиралтейству пушеч-

ный огонь... Теперь, главное, спокой. Отдохните, господа. Завтра понадобятся ваши силы.

Было 5 час. утра. По пустынной Миллiонной ходили сизые клубы предразсвѣтнаго пара. И на разсвѣтѣ уже были 3с послѣднихъ телефонныхъ звонка отъ Хабалова.

Штабсъ-капитанъ Нелидовъ опредѣленно отвѣтилъ, что приказанiя его Преображенцами исполняться не будутъ.

Усталыя команды спали. Офицеры прошли къ своимъ ротамъ и, не раздѣваясь, легли на солдатскiя койки, рядомъ съ солдатами.

Настало утро 28 февраля.

Штабсъ-капитанъ Нелидовъ еще спалъ въ командѣ своихъ пулеметчиковъ, когда его разбудилъ испуганный фельдфебель.

— Первая рота хочетъ уходить!.. Она уже уходитъ на улицу...

Нелидовъ вскакиваетъ на нары. Зоветъ своихъ пулеметчиковъ, говоритъ, что Временное Правительство просило соблюдать порядокъ и спокой, велѣло ждать его приказанiй. Призываетъ солдатъ остаться, вѣрить ему.

И очевидно, такая сила была въ словахъ этого маленькаго ,похожаго на Лермонтова, офицерика, съ дрожащей отъ двухъ контузiй правой бровью, что взволнованные пулеметчики отвѣтили ему общимъ крикомъ:

— Не пойдемъ, не пойдемъ. Безъ Васъ—никуда...

Въ учебномъ залѣ собрались въ это время почти всѣ команды Миллiонныхъ казармъ. Туда вышли и пулеметчики. Капитанъ Приклонскiй говорилъ рѣчь солдатамъ, просилъ ихъ успокоиться, просилъ ждать приказанiй Временнаго Правительства..,

Вдругъ со двора ударили выстрѣлы. Зазвенѣли разбитыя пулями стекла. Солдатскіе ряды колыхнулись какъ волны. Было видно, что никто больше не выдержитъ, что сейчасъ солдатскій потокъ прорветъ и хлынетъ на улицу.

Медлить, ждать приказаній больше не было силъ. И капитанъ Приклонскій крикнулъ солдатамъ:

— Идите, идите, но возвращайтесь только назадъ.

Въ десятомъ часу утра Преображенскій баталіонъ съ оркестромъ музыки двинулся по Милліонной къ Государственной Думѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ прилетѣлъ къ казармамъ автомобиль члена Думы Шидловскаго и когда, по просьбѣ офицеровъ, были поданы еще 2 автомобиля—въ Государственную Думу направился офицерскій авангардъ идущаго уже къ ней баталіона. Хотѣли ѣхать всѣ, но всѣмъ просто не хватало въ автомобиляхъ мѣста и тогда, какъ старшіе, какъ представители остальныхъ, въ Думу поѣхали: полковникъ, князь Аргутинскій—Долгоруковъ, полковникъ Дворжицкій, капитаны Скрыпицинъ, Приклонскій и Мещериновъ, штабсъ-капитаны: Нелидовъ и Холодовскій, поручикъ Браунъ и адъютантъ баталіона поручикъ Макшеевъ.

Красными лентами были увѣшаны автомобили. И восторженными оваціями встрѣчали толпы на улицахъ ихъ быстрый бѣгъ.

— Ѣдутъ Преображенскіе офицеры! Они съ нами... Да здравствуетъ Преображенцы.

Въ Екатерининскомъ залѣ встрѣтился весь Преображенскій полкъ. Здѣсь уже второй день несла службу 4-я рота, подъ командой штабсъ-капитана Элліота. Здѣсь увидѣли солдаты и офицеры своихъ товарищей, потерянныхъ въ потокѣ перваго дня революціи.

Послѣ встрѣчной рѣчи Родзянко офицеры прошли въ кабинетъ Гучкова.

Дума стихійно стала общимъ центромъ, но не создалось еще организаціи, не было еще власти, связующей въ одно всѣ возставшіе полки.

Тогда у поручика Макшеева мелькнула мысль использовать батальонную Преображенскую канцелярію для организаціи одной общей военной канцеляріи. Использовать для связи и бывшій подъ его командой Преображенскій музыкантскій хоръ, такъ какъ полковые музыканты привыкли, въ свободное время, исполнять въ полку порученія ординарцевъ, вѣстовыхъ и полковыхъ посыльныхъ.

По телефону была вызвана въ Думу часть батальонной канцеляріи и Преображенскій хоръ. Отъ Родзянко поручикъ Макшеевъ получилъ бумагу, которой всѣмъ предлагалось оказывать ему всякое содѣйствіе по организаціи при Думѣ Военной Канцеляріи.

Полковые писаря, со своими пишущими машинками и бумагами, сдѣлали въ тѣ дни гигантскую работу. И не безъинтересно знать будущему историку, что скромные Преображенскіе музыканты не только обслуживали дѣло связи, но и смѣнили 4-ю роту Преображенцевъ на караулѣ у министерскаго павильона.

Они, никогда не державшіе раньше въ рукахъ винтовокъ, нѣсколько ночей безсмѣнно стражили арестованныхъ министровъ.

Музыканты съ улыбкой вспоминаютъ, какъ былъ привезенъ въ павильонъ генералъ Балкъ.

Онъ узналъ Преображенскій хоръ и сталъ ходить передъ часовыми. Остановится, заложитъ руки въ карманы и насвистываетъ. Почему-то больше всего онъ насвистывалъ отрывки арій изъ «Карменъ».

А поручикъ Макшеевъ остался при Военной Комиссіи и уже приступилъ къ работѣ со своей канцеляріей: въ стихіи началъ зарождаться порядокъ.

Изъ Генеральнаго Штаба пріѣхалъ въ Думу полковникъ князь Тумановъ, полковникъ Якубовичъ и другіе. Изъ всѣхъ полковъ постепенно стали стекаться офицеры. Связь установилась, началась организація.

— Только бы всѣхъ связать, только бы поскорѣе дать новые, объединяющіе центры, вмѣсто развалившихся старыхъ—это была одна общая мысль.

Огромная работа, работа великановъ началась въ Думѣ...

А Преображенскій баталіонъ уже 1 марта былъ весь налицо въ казармахъ. И уже 1 марта принялся за реорганизацію своего домашняго полкового дѣла, на началахъ довѣрія и свободы.

Во всѣхъ полковыхъ дѣлахъ Преображенецъ-солдатъ, сталъ въ ровень съ Преображенцемъ-офицеромъ, во всѣхъ вопросахъ баталіонной жизни солдатъ имѣетъ съ нимъ одинаковый голосъ.

Для будущаго историка Преображенскій баталіонъ будетъ наиболѣе яркимъ примѣромъ того, какими двумя дорогами хлынуло солдатское возстаніе 1917 г.

Преображенцы Таврическихъ казармъ, вслѣдъ за Волынцами, возстали безъ офицеровъ. Офицеры Милліонныхъ казармъ сами повели къ народу солдатъ.

Отъ крестьянина-солдата до Преображенскаго офицера, изъ старинныхъ дворянскихъ родовъ, всѣ наши Преображенцы вышли, какъ одинъ на грозный зовъ Свободы, лишь только заслышали ея мѣдно-брякающій шагъ.

Иванъ Лукашъ.